

ПЕТР АЛЕКСАНДРОВ-ДЕРКАЧЕНКО, ОЛЕГ АУРОВ

Польская боль / Русская боль

Мы связаны, поляки, давно одной судьбою
В прощанье и в прощенье, и в смехе, и в слезах...
Булат Окуджава. «Прощание с Польшей».

Речь в нашем обзоре пойдет о такой болезненной теме, как общая история России и Польши. Взаимная неприязнь поляков и русских — факт известный. Здесь каждому есть что предъявить противоположной стороне, ибо у каждого — своя боль. В XVIII веке — «диссидентский» вопрос и разделы Речи Посполитой. В XIX — польские легионы наполеоновской «Великой армии», антирусские восстания 1830—1831 и 1863—1864 годов и их безжалостное подавление, террор польских «красных» — и ответный террор карателей Дибича и Муравьева-Вилenskого. Однако XX век оставил позади предшествующие столетия как по числу жертв, так и по накалу страстей. Боли стало еще больше, а ее восприятие — еще острее. Справедливо ли это? Можно ли говорить о взаимности и в чем она проявляется? Мы постарались ответить на эти и другие вопросы.

Разговор о новых книгах начнем с не так давно вышедшего обобщающего исследования о красноармейцах, попавших в польский плен в ходе военных действий между Советской Россией и Польшей в 1919—1921 годах. Это исследование — результат напряженной работы двух историков-славистов: Геннадия Филипповича Матвеева, доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой истории южных и западных славян Исторического факультета МГУ, и Виктории Станиславовны Матвеевой, кандидата исторических наук, преподавателя Ровенского института славяноведения Киевского славистического университета (Украина).

Интерес к истории польского плена 1919—1921 годов в современной России проявился относительно недавно — в начале 1990-х годов. И на то, как подчеркивают авторы исследования, были свои особые основания. До Второй мировой

войны анализ проблемы пленных не проводился в силу как политических (стабильная напряженность советско-польских отношений), так и чисто технических (недоступность для исследователей соответствующих архивных фондов) причин (см. С. 7—8). После же Второй мировой *возникло слишком много оснований* для того, чтобы не «бередить старые раны».

Авторы предпочитают не распространяться об этих причинах; они сосредоточивают основное внимание на характеристике историографической ситуации, сложившейся начиная с конца 1980-х — начала 1990-х годов (см. С. 8 и далее), и этот подход несомненно заслуживает уважения. Однако жанр рецензии в общественно-политическом журнале не позволяет проигнорировать сопоставление событий польского плена 1919—1921 годов с трагедией «катынского расстрела» 1940-го.

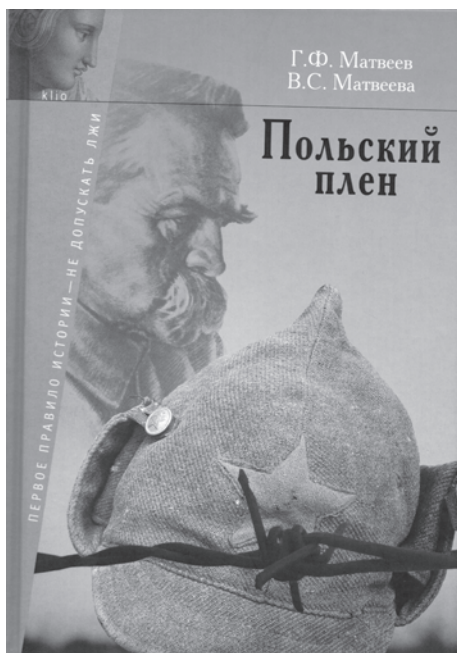
АЛЕКСАНДРОВ-ДЕРКАЧЕНКО Петр Петрович — председатель Международного Русского исторического общества.

АУРОВ Олег Валентинович — доцент, кандидат исторических наук.

Но не является ли такой подход данью одной лишь политической конъюнктуре по принципу «вы нам — Катынь, мы вам — трагедию наших военнопленных»? Убежден, что нет. Для понимания сути проблемы следует учесть не только то, что оба события относятся к одной и той же эпохе войн и революций, очерченной двумя мировыми войнами (1914—1945). Важно и то, что к 1940-му — году катынской трагедии — во главе как СССР, так и Польши стояли люди, для которых военные действия 1919—1920 годов, а также связанные с ними события были частью личной биографии.

Главой польского государства в изгнании в 1940-м являлся генерал Владислав Сикорский (1881—1943), двумя десятилетиями ранее командовавший, последовательно, 9-й пехотной дивизией, Полесской группой войск и 5-й и 3-й армиями на советском фронте. В ходе военных действий руководимые им войска взяли немало пленных воинов Красной армии. В частности, в ходе варшавского сражения только в период с 16 по 28 августа 5-й армией было пленено 20,6 тысячи красноармейцев (см. С. 20, а также: С. 26, 51, 54, 159). При этом по отношению к пленным В. Сикорский, скажем так, далеко не всегда вел себя в соответствии с законами и обычаями войны в том их виде, который сложился к 1919—1920 годам. Вплоть до того, что 24 августа 1920-го по его прямому приказу были расстреляны 199 пленных красноармейцев (см. С. 25, 51). Сказанное поясняет, почему совесть человека, решительно разорвавшего дипломатические отношения с СССР после получения известий о катынских захоронениях (1943), уже была насыщена кровью русских солдат — то есть далека от кристальной чистоты.

Г. Ф. Матвеев, В. С. Матвеева.
Польский плен. Военнослужащие
Красной армии в плену у поляков
в 1919—1921 годах.
М., ООО «Родина-медиа», 2011. 174 с.

Свой собственный взгляд на польские события имел и И. В. Сталин, в ходе советско-польской войны, в период с 26 мая по 1 сентября 1920 года, являвшийся, как известно, членом Реввоенсовета Юго-Западного фронта. Он непосредственно участвовал в освобождении Киева и дальнейшем наступлении на Львов, и можно лишь догадываться о том, сколько следов «хозяйствования» поляков на Советской Украине ему довелось увидеть. А потому едва ли он находился в неведении и относительно ситуации с польским пленом, пусть даже и в самом общем смысле.

В целом же из четырех высокопоставленных членов Политбюро, чьи подписи на записке НКВД СССР от 5 марта 1940 года¹ решили судьбу польских офицеров, как минимум трое знали о событиях советско-польской войны, что называется, не понаслышке. Помимо Сталина ее активным участником являлся К. Е. Ворошилов: 1-я Конная армия под командованием С. М. Буденного, членом Реввоенсовета которой он являлся, находилась на польском фронте с апреля до конца сентября 1920 года. Она активно действовала в составе войск Юго-Западного фронта и принимала участие в Киевской и Львовской операциях, а также в боях в Замостье. Кроме того, осенью 1920-го — весной 1921 года на Украине, по которой только что пронесся военный шквал, работал еще один член сталинского Политбюро образца 1940 года — В. М. Молотов, также подписавший записку своей рукой (личные подписи еще двух высокопоставленных партийных деятелей, Л. М. Кагановича и М. И. Калинина, в документе отсутствуют)².

¹ См. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 621. Л. 130 (подлинник).

² Факсимиле этого документа см. <http://rusarchives.ru/publication/katyn/01.shtml>

Разумеется, вне зависимости от тех субъективных оснований, которыми руководствовались высшие должностные лица СССР в 1940-м, «катынский расстрел» не подлежит оправданию: в апреле 2012 года Европейский суд по правам человека вполне закономерно квалифицировал его как военное преступление. Очевидно и то, что непосредственно в момент вынесения решения о судьбах пленных офицеров в марте 1940 года члены сталинского Политбюро менее всего думали о мести за красноармейцев, погибших в польском плену в 1919—1921 годах. Они преследовали иные цели, зафиксированные в той же подготовленной Л. П. Берией записке НКВД от 5 марта 1940 года, где обреченные на казнь характеризовались предельно четко: «...являются заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю»³. Тем не менее ясно и то, что очевидное предубеждение по отношению к межвоенной Польше (которую В. М. Молотов — дед нашего современника, историка и общественного деятеля В. А. Никонова — называл «уродливым детищем Версальского договора»⁴) возникло не на пустом месте.

В конечном итоге, несмотря на двадцатилетний период, разделяющий трагедию советских военнопленных 1919—1921 годов и ужас «катынского расстрела», оба эти события по своему характеру несомненно принадлежат своей эпохе, когда мир являлся бесконечно хрупким, а человеческая жизнь — запредельно дешевой. Именно поэтому человечество (и далеко не только русские и поляки) обязано извлечь надлежащие уроки из своей еще относительно недавней истории. Отсюда — особая значимость рецензируемой книги как части той уже весьма обширной литературы, начало которой положила публикация в 1991 году монографии польского историка З. Карпуза (в 1997-м появилось второе, расширенное и дополненное, издание).

Возвращаясь к разговору о содержании рецензируемой книги, следует особо подчеркнуть, что отношение к советским военнопленным, повлекшее их гибель в

польском плену в 1919—1921 годах, не было обусловлено спецификой политического строя межвоенной Польши. С самого начала своей истории (1918 год) она не являлась подлинно демократическим государством, но не была и государством фашистским. Г. Ф. Матвеев и В. С. Матвеева вовсе не склонны приписывать польскому руководству указанного периода (включая Ю. Пилсудского) планов сознательного массового истребления советских военнопленных. Они признают тот неоспоримый факт, что становление независимой Польши происходило в условиях послевоенной разрухи (тем более что земли бывшего Царства Польского (Западного края) в 1914—1916 годах являлись территорией ожесточенных боевых действий), и ситуация эта не могла не сказаться на положении военнопленных.

Более того, в книге прямо оговаривается тот факт, что некоторые польские должностные лица (как персонально, так и в качестве официальных представителей) предпринимали (а скорее — пытались предпринять) определенные шаги в интересах пленных красноармейцев: «Озабоченность судьбой пленных демонстрировали прежде всего сотрудники учреждений для пленных министерства военных дел, а также медико-санитарных служб различного подчинения. При этом они руководствовались различными соображениями: политическими (в том числе заботой об имидже Польши на международной арене), гуманитарными, санитарными (опасениями, что инфекционные заболевания распространяться за пределы заведений для пленных и вызовут эпидемии в армии и среди местного населения), заинтересованностью в пленных как в дешевой рабочей силе, способной хотя бы частично заменить мобилизованных в армию рабочих и крестьян. Наконец, живые пленные красноармейцы и интернированные нужны были полякам как залог возвращения своих пленных из России после окончания военных действий» (С. 108).

Однако (и авторы настаивают на этом особо!), вне зависимости от субъективных устремлений некоторых польских должностных лиц, их действия либо вообще не влияли на положение военнопленных, либо меняли status quo в минимальной степени. Ни в коей мере не ставя

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 166. Д. 621. Л. 130

⁴ См. «Внеочередная пятая сессия Верховного Совета СССР 31 октября — 2 ноября 1939 г. Стенографический отчет». Издание Верховного Совета СССР 1939 г. С. 7.

перед собой осознанной задачи уничтожения пленных красноармейцев, польское руководство, вместе с тем, сплошь и рядом проявляло как минимум преступную халатность. Как максимум же — оно в целом ряде случаев предпринимало вполне сознательные действия по ухудшению положения военнопленных по сравнению с теми нормами, которые предусматривались соответствующим разделом международного права по положению на 1919—1921 годы.

Прийти к такому выводу авторам исследования позволяет анализ данных широкого круга источников — как введенных в научный оборот польскими и российскими историками в 1990—2000-е годы, так и ранее не использовавшихся (или, по меньшей мере, недооцененных исследователями). Следует пояснить, что особую сложность решению проблемы придает необходимость обращения к косвенным данным, поскольку документы Центрального бюро регистрации военных и интернированных польского Министерства военных дел не сохранились. По всей видимости, они разделили судьбу той части польских архивных фондов, которые погибли либо при бомбардировках Варшавы немцами в сентябре 1939 года, либо при перемещениях в Германию или СССР, которые в военное время в своих интересах осуществляли соответствующие немецкие и советские учреждения.

Новые, доселе не известные или недооцененные сведения Г. Ф. Матвееву и В. С. Матвеевой удалось получить благодаря более активному, чем ранее, использованию документов III (Оперативного) отдела Верховного командования Войска Польского (см. С. 26 и далее), архива Международного общества Красного Креста (Женева), ряда фондов Российского государственного военного архива, а также Архива внешней политики РФ. На фоне этих данных по-новому в ряде случаев воспринимается и информация, известная ранее, в частности — содержащаяся в дневниках и воспоминаниях участников войны (см. С. 14—29).

Анализ полученных, таким образом, сведений показывает, что помимо объективных сложностей, связанных с недостатком продовольствия, медикаментов и топлива, а также ветхостью помещений,

выделенных для размещения пленных в созданных еще немцами лагерях в Стшалково, Вадовице, Ланьцут, Пкулице, Щиперно и др., в целом ряде случаев уполномоченные *польские должностные лица предпринимали осознанные действия для ухудшения положения красноармейцев, попавших в польский плен*. В частности, широко распространенной практикой являлись расстрелы бойцов Красной армии непосредственно после пленения; при этом наибольшую ненависть солдаты и офицеры Войска Польского проявляли по отношению к членам большевистской партии и евреям. Кроме того, повседневым явлением был грабеж пленных, в результате которого они лишались сколь-нибудь нормальной одежды и обуви, что в холодное время года составляло прямую угрозу для жизни людей. Тем не менее командование лишь в редких случаях стремилось предотвратить обирание военнопленных (см. С. 50—57).

Следующим испытанием (если, конечно, красноармейцам удавалось пережить тяжелейшие условия прифронтовых лагерей, где, как правило, не предусматривались меры по удовлетворению даже элементарных бытовых потребностей пленных — см. С. 58—70) оказывалась транспортировка в нетопленых, непригодных для перевозки людей вагонах, а то и просто пешком, причем в процессе перевозки пленных часто не только не обеспечивали горячей пищей, но и не кормили вообще (см. С. 71—76).

Главный круг ада, однако, наступал непосредственно в стационарном лагере. Изначальная тяжесть бытовых условий содержания усугублялась враждебным отношением к пленным со стороны польской администрации, которая сплошь и рядом не исполняла своих прямых обязанностей, установленных польскими же инструкциями. Процветало воровство продовольствия, одежды, обуви, постельных принадлежностей, медикаментов. Искусственно ужесточался режим пребывания; нормальной практикой являлись избиения пленных, изощренные издевательства над ними. Голод, холод и антисанитария порождали эпидемии, буквально косившие пленных (см. С. 77—114). При этом положение людей, взятых в рабочие команды и содержавшихся вне лаге-

ря, было немногим лучше; тем более что их уделом был тяжелый физический труд в условиях острого недостатка одежды, обуви и пищи (см. С. 115—121).

С учетом сказанного не вызывает удивления тот факт, что из не менее чем 157 тысяч красноармейцев, попавших в польский плен (см. С. 43, 157), лишь половина (несколько более 75 тысяч) вернулась домой (см. С. 155), причем значительная часть вернувшихся в период пребывания в плену серьезно подорвала здоровье (см. С. 157). Разница между двумя цифрами объясняется не только объективными причинами (сознательный отказ от возвращения в Советскую Россию, вступление в антисоветские вооруженные формирования на польской территории и т. п.), но и высоким уровнем смертности (прежде всего от голода и эпидемий). По

данным авторов, в период пребывания в плену умерло 25—28 тысяч пленных красноармейцев (см. С. 159).

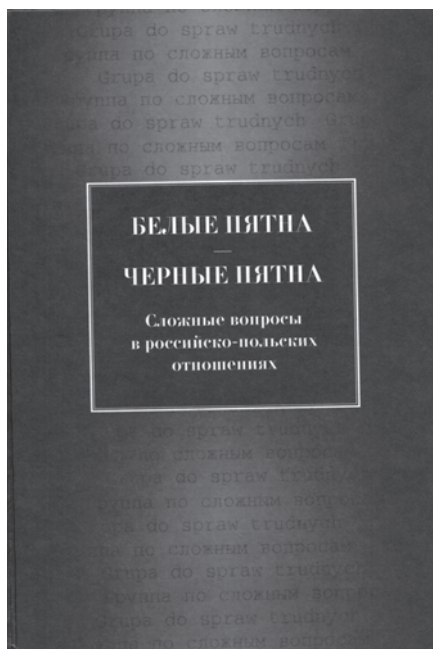
Авторы не анализируют мотивы подобного обращения с советскими военнопленными. Однако перечень основных из них прямо следует из авторского текста: агрессивный национализм (который вполне можно было бы назвать великопольским шовинизмом), примитивная русофобия, антисемитизм, и лишь в последнюю очередь — собственно антибольшевизм, неприятие коммунистической идеологии. К сожалению, немалая часть этого приговорного багажа до сих пор отягощает российско-польские отношения. Сделать его достоянием прошлого — общая задача польского и российского народов. А для этого, как нам кажется, необходим паритет в признании случившегося.

Вторая книга, о которой пойдет речь, совершенно иная уже потому, что излагает как российскую, так и польскую точку зрения на наиболее болезненные вопросы нашей общей истории. Книга вышла два года назад, но в должной мере была замечена и оценена лишь специалистами⁵, что представляется явно недостаточным. Теперь, когда уже поздно рассуждать, что было тому виной, надо торопиться хотя бы отчасти восполнить упущенное.

Объемистый том подготовлен совместными усилиями Группы по сложным вопросам, включающей историков двух стран.

«Белые пятна — черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях».

Под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ротфельда; отв. ред. А. В. Мальгин, М. М. Наринский. М., «Аспект Пресс», 2010. 823 с.

Решение о необходимости такого формата было принято давно — в 2002 году. Первый состав группы собрался в почти столь же далеком 2005-м, но лишь в декабре 2007-го, после ставшей необходимой тотальной смены формата, с обеих сторон ее составили настоящие профессионалы. С этого времени возглавившие группу с российской и польской сторон, соответственно, академик Анатолий Васильевич Торкунов и профессор Адам Даниэль Ротфельд смогли начать поступательное движение вперед в своих научных контактах, встретившись в Брюсселе в феврале 2008 года. Первое собрание группы в полном со-

ставе состоялось в июне того же года в Варшаве; затем последовала октябрьская встреча в Москве. В 2009-м появился первый зримый результат работы группы —

⁵ См.: www.mgimo.ru/news/university/document165017.phtml; «Балтийский регион». 2011. Вып. № 3(9). С. 145—149; М. Волос. Начало пути к нормализации? Российско-польские отношения в 2010 г. — «История и современность». 2011. № 1. С. 210—222 и др.

написанная историками двух стран книга о наиболее остром и спорном периоде нашего общего прошлого⁶. В том же 2009-м научные контакты продолжились: стороны встретились в Кракове (май) и Москве (ноябрь). Одним из важнейших результатов московской встречи стало решение о создании центров по изучению совместной истории и о подготовке мероприятий, посвященных печальному юбилею события, которое в Польше именуется «катынским преступлением», — 70-летию массового расстрела военнопленных польских офицеров (увы, эта задача не решена до сих пор). Кроме того, в 2010 году должен был последовать еще один печальный юбилей — 90-летие окончания советско-польской войны 1919—1920 годов.

Очевидно, что именно к этим событиям был приурочен выход в свет монументального тома, который и является объектом настоящей рецензии. Однако 10 апреля последовала авиакатастрофа под Смоленском, в результате которой погибли президент Л. Качиньский, его супруга, а также ряд высших должностных лиц Польши. Российская сторона оперативно отреагировала на это событие, сделав все от нее зависевшее как в том, что касалось похорон, так и организации следствия. В этой обстановке стороны стремились максимально дистанцироваться от того широкого круга вопросов, которые разделяли наши страны.

Однако эти вопросы никуда не делись, и теперь, воздав должное погибшим весной 2010-го, мы все равно возвращаемся к «черным пятнам» нашего общего прошлого. Важнейшие из них стали предметом обсуждения группы российских и польских историков и нашли отражение в рецензируемой книге. В их числе — история восстановления независимости польского государства (1918—1919), советско-польской войны 1919—1920 годов, советско-польских отношений в межвоенный период (1921—1939), в первые годы Второй мировой войны (1939—1941) в военное (1941—1945) и послевоенное время. Кроме того, выделены сюжеты, связанные с польско-советскими отношениями в пе-

риод хрущевской «оттепели» (1956 год), ролью СССР в установлении военного положения в Польше (1981 год), а также в демонтаже коммунистического режима в 1989—1990 годах. Наконец, особое внимание уделяется проблемам соразмерности уровня экономического сотрудничества обеих стран, отношения к архивному наследию, а также новейшей историографии российско-польских отношений.

Не ставя перед собой задачу пересказа обширного текста, попытаемся порассуждать о том, что представляется главным, а именно — о месте исторической памяти в российско-польских отношениях и о перспективах двустороннего диалога на эту тему, то есть чему, собственно, и посвящен рецензируемая книга. Начнем с замечаний о самом формате совместной группы историков. Вопросы, рассматриваемые в книге (по каждому из них параллельно высказываются российский историк и его польский коллега), как известно, возникли не сегодня и едва ли будут разрешены даже завтра, а потому «буря и натиск» — плохие советчики в такого рода делах. Так что если лидеры Польши (президенты Александр Квасьневский и Лех Качиньский) и России (В. В. Путин), привлекая к работе историков, надеялись «пробить» быстрое решение проблем, накопившихся в понимании общего прошлого, то, увы, они были изначально наивны. Хотя бы потому, что в исторической науке радикальный пересмотр научных позиций возможен лишь при получении новых источников, чего в ближайшее время не предвидится. И главное: историки — не дипломаты, искать компромиссные формулировки путем переговоров не умеют и не будут.

С этой точки зрения формат совместной группы историков представляется лишенным практического смысла. Те, кого он объединил, в большинстве своем и ранее были знакомы со своими визави. Так что едва ли можно было надеяться на прорыв там, где те же самые люди, опирающиеся на тот же самый крут источников, не могли его добиться ранее. Да и необходим ли такой прорыв в принципе? Нуждаемся ли мы в единомыслии, отсутствии альтернативных оценок и концепций там, где это смерти подобно — в гуманитарных науках?

Ответы на эти вопросы были бы очевидны, если бы не одно НО — высочай-

⁶ См. «Международный кризис 1939 года в трактовках российских и польских историков». Ред. М. М. Наринский, С. Дембский. М., «Аспект Пресс», 2009.

шая степень политизации национальной истории в современной Польше, значимость ее роли в массовом сознании поляков. И хотя сами по себе апелляции к прошлому в интересах настоящего — случай вовсе не беспрецедентный, тем не менее в Польше соответствующая практика отличается особой интенсивностью. В самом деле, в отличие от русских, слишком часто (пусть и не всегда) склонных лечить травмы своего прошлого анестезией забвения, поляки — не только элита, но и значительная часть «простых» людей, — ни о чем не забывают и ничего не прощают. И дело здесь, разумеется, не в каких-то особо негативных чертах польского национального характера, а в первую очередь — в структуре польской национальной идентичности, в рамках которой история приобретает особый смысл.

Для русского прошлое — это прежде всего череда побед; поражения же в нашем массовом сознании откладываются гораздо труднее. Так, например, применительно к XX веку мы помним победный 1945-й, спутник, полет Гагарина и т. п., — но практически не вспоминаем (или вспоминаем весьма отстраненно) ни поражение нашей страны в Первой мировой войне (некогда именовавшейся современниками «Великой» и «Отечественной»), ни бесславленную войну финскую, ни фактический крах интервенции в Афганистане и т. п. Более того, мы умудрились без особой боли воспринять даже крах СССР — вполне доверившись официальной пропаганде, легко убедившей нас, что все произошло «мирно» и что «геополитическая катастрофа» была неизбежна. Одномоментная утрата земель, собиравшихся Москвой, а затем Петербургом начиная с XVII века, где проживало 25 миллионов русских людей, конечно, не прошла незамеченной для массового сознания, но не стала и бледной тенью той кровавой раны, каковой в исторической памяти поляков отпечаталась потеря «кресов всходних» (отошедших в 1939 году от Польши к СССР земель с преимущественно непольским (белорусским, украинским, еврейским) населением — см. С. 238 и далее).

Мы, россияне, относительно легко смирились с сотнями тысяч погибших в гражданских конфликтах на пространстве бывшего СССР — в Грузии, Таджикистане,

Молдавии, Нагорном Карабахе и др. Практически вне нашего сознания осталась и трагедия русскоязычных беженцев из «новых независимых государств» Центральной Азии в начале и середине 1990-х. Сравните это с реакцией поляков — нет, не на «катынское преступление» (оно беспрецедентно!), но на перемещение массы этнических поляков с «кресов всходних» в восточные районы СССР (см. С. 230—278 и др.).

Следует, однако, подчеркнуть, что приведенные (и еще многие *неприведенные*) примеры исторического «беспамятства» россиян сами по себе вовсе не свидетельствуют ни об их беззаботности, ни об особой душевной черствости (хотя психологический шок 1990-х и связанная с ним аномия несомненно имели место и стали изживаться лишь в последние годы). Просто мы обладаем иной структурой национальной идентичности, что объясняет, среди прочего, и особую роль государства в формировании и воспроизводстве образа нашего общего прошлого в массовом сознании. Мы помним главным образом то, в чем заинтересовано наше государство, что оно считает нужным поддерживать (а то и навязывать) посредством системы образования, СМИ, искусства и т. п.

Мы органически неспособны мыслить «вопреки», в отличие от тех же поляков, которые на протяжении десятилетий противостояли официальной пропаганде на пространстве исторической памяти (и роль костела, при всей своей значимости, вовсе не была решающей в этом процессе). Они помнили о «кресах всходних», «чуде на Висле», совершенном в августе — сентябре 1920 года армией Юзефа Пилсудского, о «катынском преступлении», об армии генерала В. Андерса, сражавшейся на стороне западных союзников, о партизанской борьбе Армии Крайовой — и о многом еще, о чем не полагалось помнить в просоветской Польской Народной Республике (ПНР) (см. С. 493—502). И когда в 1989—1991 годах Польша «выскользнула» из объятий «старшего брата», весь этот колоссальный пласт памяти не только вышел на поверхность, но стал одним из определяющих факторов польской политики.

Общество, добившееся падения коммунизма и сделавшее ранее запрещенную память официальной позицией своего государства, жаждало воздаяния. И по-

нимая это, Россия — как официальная, так и академическая, — делала серьезные шаги навстречу своему западному соседу, что отразилось и в рецензируемой книге. Именно советские историки (Н. С. Лебедева, Ю. Н. Зоря и др.) вышли сначала на отдельные документы, а затем — на целые комплексы архивных материалов, связанных с «катынским преступлением». По обнаружению в Архиве Президента РФ «особой папки» с важнейшими документами Политбюро ЦК ВКП(б) о судьбе польских военнопленных, их копии были немедленно переданы польской стороне. В начале 1990-х годов группа военных историков из Польши получила право на массовое копирование материалов о судьбах польских военнопленных (позднее они были изданы на польском языке). В 1994 году Главная военная прокуратура РФ по материалам специально заведенного уголовного дела расценила расправы над польскими военнопленными в Катыни, Медном, под Харьковом и в ряде других мест как преступление органов НКВД. Наконец, однозначную политическую оценку «катынского преступления» неоднократно давали официальные лица РФ, в том числе Б. Н. Ельцин и В. В. Путин⁷. Здесь еще остаются нерешенные вопросы; но пройденный уже путь гораздо длиннее того, который предстоит пройти.

Стремление к сближению позиций в еще большей степени отличает собственно академическую сферу. Так, основные материалы по «катынскому делу», выявленные в советских архивах, давно уже изданы и в Польше, и в России. Более того, в современной российской историографии единодушно осуждается внешняя политика сталинского СССР образца 1939 года, в том числе и в той ее части, которая касалась Польши (что, впрочем, не исключает естественного различия мнений исследователей по ряду более частных вопросов — см. С. 329—335, 714—724, 737—767 и др.). Чтобы понять, насколько современные российские историки близки к своим польским коллегам по большинству проблем общей истории, достаточно, в частности, сравнить позиции Н. Лебедевой и А. Гловацкого (С. 202—279), ее же — и А. Пшевозника

(С. 280—337), Н. И. Бухарина и А. Пачковского (С. 450—479), А. В. Шубина, А. В. Воробьева — и Е. Помяновского (С. 480—502), И. С. Яжборовской — и уже упоминавшегося А. Пачковского (С. 503—538), В. Г. Барановского, Б. А. Шмелева — и В. Марчиняка (С. 539—585), А. В. Мальгина — и К. Пелчиньской-Наленч (С. 622—670), Н. И. Бухарина — и А. Грачевского (С. 671—713) и др. При этом тексты, авторы которых не упомянуты в приведенном перечне, вовсе не отмечены антагонизмом позиций: в конце концов как уже говорилось, в гуманитарных науках идентичных позиций у полемизирующих сторон не бывает.

Тем не менее очевидно, что польскому обществу все эти изменения кажутся явно недостаточными. Причем это происходит тем больше, чем больше простые поляки знакомятся с оборотной стороной вождя «возвращения в западную цивилизацию», ради которого они некогда боролись и с собственными коммунистическими властями, и с их советскими покровителями. Интеграция в западный мир принесла с собой не только новые возможности, но и новые проблемы; и в этих условиях апелляция к фантомной боли прошлого, к негативному образу восточного соседа (с которым, кстати, новая Польша даже не имеет общей границы) остается (и еще долго будет оставаться) испытанным средством консолидации польской нации.

Материалы, вошедшие в рецензируемую книгу, наглядно показывают, что именно с этой особенностью польского сознания русским приходится иметь дело сейчас и придется иметь дело в будущем. Со своей стороны нам необходимо в полной мере осознать значимость диалога и полностью отказаться от замалчивания сложных и болезненных тем. Во-первых, потому, что это бесперспективно: прошлое всегда оставляет следы, и тот, кто пытается игнорировать очевидное, всегда окажется виноватым, вне зависимости от характера своей изначальной мотивации. Во-вторых, потому, что это просто не нужно: *российской стороне всегда есть что сказать своим польским визави.*

Показательным примером на этот счет служит, например, сопоставление содержания материалов Л. Б. Вардомского (Россия) и Я. Калиньского (Польша), сни-

⁷ См., например: О. Шкуренко. Как признавали Катынь. — «Коммерсантъ Власть». 19.04.2010. № 15(869).

мающее проблему эксплуатации экономики ПНР советской «метрополией» (см. С. 586—621). Вот как звучат главные выводы сторон: «...СССР не мог себе позволить эксплуатировать Польшу и другие страны Восточной Европы в форме получения от торговли с ними неких дополнительных доходов. Этого не могло быть по причине как важности внутриполитической стабильности Польши для СССР в ходе холодной войны, так и большей приверженности СССР идеологическим догмам и “пролетарскому интернационализму” (Л. Б. Вандомский. С. 599) — «Предпринятый в данной работе анализ не дает однозначного ответа на вопрос, поставленный в ее начале: чем были советско-польские отношения послевоенного периода с советской стороны — помощью или получением выгоды» (Л. Калинский. С. 619). Здесь же, правда, польский исследователь оговаривается, что «искаженные экономические связи стали производной всей совокупности послевоенных польско-советских взаимоотношений, в которых решающую роль играли имперские интересы восточной державы»; однако это добавление воспринимается как исключительно эмоциональное, лишенное опоры в виде фактов).

Ведение диалога кажется тем более важным, что отказ от поверхностных и глубоко идеологизированных представлений, господствовавших в советской историографии, ни в коей мере не равнозначен принятию не менее (пусть и в ином, противоположном, духе) идеологизированных постулатов, выдвигаемых польской стороной. Эта закономерность особенно явно прослеживается применительно к наиболее драматичным сюжетам нашей общей истории, относящимся к 1920—1940-м годам. Следует хорошо понимать, что внутри- и внешнеполитическая ситуация в тот период — как в Польше, так и в СССР, — отличалась крайней сложностью и неоднозначностью, выступала как слагаемое широчайшего спектра разнородных и разнонаправленных факторов. И как раз именно в силу этой своей сложности события и процессы означенного периода ни в коей мере не укладываются ни в какие идеологические клише.

В конечном итоге ни сталинское руководство, ни режим «второй Речи Посполи-

той» не являлись ни исчадием ада, ни рыцарями без страха и упрека. Их действия в равной мере (пусть и не в равной степени) определялись как прагматическими и идеологическими соображениями, так и сигналами «снизу», со стороны, соответственно, советского и польского обществ, каждое из которых переживало стадию болезненной трансформации. В этих условиях политические лидеры обеих стран делали весьма противоречивые шаги как в своей внешней, так и во внутренней политике. А потому, чем больше фактического материала оказывается в распоряжении историков, тем более противоречивой оказывается общая картина, все менее укладывающаяся в колею априорных идеологических представлений.

Для того чтобы понять это, достаточно сопоставить, например, статьи Н. С. Лебедевой (Россия) и А. Гловацкого (Польша), посвященные одному из наиболее драматичных периодов в польской истории — времени 1939—1941 годов. После трагического сентября 1939-го западная и центральная часть «второй Речи Посполитой» превратились в гитлеровское «генерал-губернаторство», а восточная (те самые «кресы восточные», около 40 процентов территории довоенной Польши) вошли в состав СССР. Статья Н. С. Лебедевой — маститого историка, которой принадлежит заслуга первооткрывательницы документальных свидетельств «катынского преступления», относительно ограничена по объему (см. С. 202—230) и однородна по содержанию: автор концентрируется почти исключительно на известных аспектах сталинской внешней политики образца 1939—1940 годов («Раздел Речи Посполитой в результате совместных агрессивных действий Германии и СССР...» — см. С. 227).

В то же время ее польский коллега Анджей Гловацкий, профессор Института истории Философского факультета Университета города Лодзи, изначально ставил перед собой гораздо более широкие задачи. События сентябрьской кампании 1939 года стали лишь частью представленной им панорамы, основное же внимание уделяется проблемам интеграции «кресов восточных» в состав СССР и советизации этого региона в 1939—1941 годах. Использование широкого круга как опубли-

ликованных, так и архивных источников позволило представить этот болезненный процесс во всей его сложности и тем самым если и не устранить, то значительно смягчить априорные идеологические оценки.

Трагедия польского населения Западной Украины, Западной Белоруссии и отошедшего к Литве Виленского края, привыкшего чувствовать себя хозяином положения, но в одночасье низведенного до положения национального меньшинства, агония польской городской культуры там, где она утвердилась столетиями ранее (особенно — во Львове), рассказ о репрессивной политике советских властей и массовых депортациях переплетаются в авторском повествовании с явлениями совершенно иного рода. Мы видим, какую значительную поддержку советский режим получил в массах украинского, белорусского, еврейского населения, какой колоссальный стимул к своему развитию получили украинская и белорусская культуры, ранее пребывавшие в этих местах в маргинальном положении (показательно, например, что в польской части Белоруссии к 1939 году не было ни одной (!) белорусской школы), какие широкие жизненные возможности приобрели простые люди, не имевшие никаких перспектив во «второй Речи Посполитой», и т. п. И еще А. Гловацкий находит в себе силы увидеть различие между советским режимом и простыми советскими людьми, в том числе и одетыми в военную форму, часто действовавшими по зову сердца и без всяких приказов (а порой — и в противовес им) — в частности при защите польских беженцев от посягательств на их жизнь и имущество со стороны украинских и белорусских мародеров — *см. С. 230—279*).

Спокойный академический тон, последовательная опора на документы — вот тот путь, который может привести к окончательному примирению русских и поляков, освободив их от фантомных болей прошлого. Знакомство с материалами сборника показывает, какую долгую часть этого пути еще предстоит пройти народам обеих стран. Думается, однако, что у российской стороны есть как минимум одно важное преимущество: тот факт, что прошлое в нашем сознании гораздо чаще остается в прошлом, чем давит на насто-

ящее, оставляет россиянам гораздо большую свободу маневра. Именно поэтому позиция большинства российских историков характеризуется той необходимой степенью отстраненности от событий, которая требуется для поиска спокойных, продуманных решений.

Дело в том, что, в отличие от своих польских коллег, российские исследователи могут позволить себе критику не только отдельных мер советского руководства разных периодов, но и целых направлений внешне- и внутривосточного курса своей страны. Возможность самокритики, самоиронии — это великая роскошь, доступная только великим нациям. И пока Россия еще остается в их числе, с нее многое спросится — но и многое ей дастся.

Однако главное — даже не это: много важнее, что, при всей колоссальности взаимной неприязни, русских и поляков в то же самое время парадоксально тянет друг к другу. Отмечая этот неоспоримый факт, российские исследователи А. В. Воробьев и А. В. Шубин отмечают: «Конечно, цивилизационные различия между нами всегда были не только существенны, но и разнонаправлены. Тем не менее именно на пограничье различных этносов нередко возникали и возникают особо уникальные культурные явления и процессы» (*С. 480*). А польский ученый Е. Помяновский находит не менее точную фразу для отражения той же тенденции: «Пастернак, Окуджава, Высоцкий, Галич, Максимов, Сахаров, Солженицын не позволили гражданам ПНР пренебрегать Россией» (*С. 501*).

Здесь вместо логически полагающегося многоточия мы предпочитаем поставить слова одного из тех, о ком так емко сказал польский исследователь: «...я давно очарован Польшей. Почему так случилось — не знаю. Черты национального характера, история и великая польская культура мне близки. Хорошо знаю ее историю — прекрасную, трагичную и героическую. Близки мне поляки — мудрые, остроумные, тонкие, музыкальные...»⁸ (Б. Окуджава). Может быть, именно в таком восприятии и содержится ключ к выходу из тупиков нашей общей истории? ◆

⁸ *См.* <http://geo.web.ru/bards/Okoudjava/part162.htm>